

misterium

misterium

**БУАЛО-
НАРСЕЖАК**

БРАТ ИУДА

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
Б 90

Pierre Boileau, Thomas Narcejac

FRERE JUDAS

Copyright © Editions Denoël, 1974

CARTE VERMEIL

Copyright © Editions Denoël, 1979

Буало-Нарсежак

Б 90 Брат Иуда / Буало-Нарсежак ; [пер. с фр. В. Леликова. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Millennium. Французский детектив).

ISBN 978-5-699-64940-2

Два классических криминальных романа о том, что зачастую нельзя верить ни любимым ученикам, ни близким родственникам.

«Брат Иуда» — рассказ об организации, членство в которой даруется только избранным. Однако очень большие деньги могут превратить в предателя почти любого, вступившего в нее, и тогда будущее братства окажется под угрозой.

«На склоне лет» — повествование о почти идиллической жизни в дорогом пансионате. Но это лишь иллюзия. Преступник не дремлет, и смертельного удара можно ждать отовсюду.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

© Леликов В., Завьялова Л., перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64940-2

БРАТ ИУДА

Ученики выстроились полукругом в совещательной зале. Вороны, Приобщенные и Воины — слева; Львы, Персы и Гелиодромы — справа. Наставники держались позади Учителя. На них были надеты туники семи цветов радуги. И только Учитель, этот верховный жрец, мог носить белую тогу как символ вновь обретенного единства. Обнаженный Андуз дрожал от возбуждения, страха и надежды. Он стоял перед Учителем со связанными руками и чувствовал себя немного неловко. Он стыдился своих слишком худых рук, впалой груди и нелепой бороды. Но он знал, что Сила снизойдет на него и он доведет до конца то, что задумал.

— Брат, — сказал Учитель, — что ты хочешь?

— Я хочу Света, — ответил Андуз.

— Готов ли ты обуздать бrenную плоть и желания, приковывающие тебя к земле и пленяющие твой дух?

— Готов.

— Тогда прочитай крещенскую молитву.

— Митра, Бог-освободитель, Властелин наших жизней, сменяющих одна другую, заклинаю тебя.

Даруй рабу твоему Полю способность познать истину, следовать по твоим стопам, всегда и везде действовать в интересах общины.

— И да услышит тебя Митра!

Учитель жестом подозвал ученика, одетого в пурпурную тунику, тот подал ему шпагу, лежащую на подушке. Андуз протянул руки, связанные тонкой веревочкой, и Учитель разрубил ее. Другой ученик, в зеленой тунике, принес серебряную чашу, наполненную водой. Андуз омыл в ней руки.

Собравшиеся неторопливо затянули песнь радости; смысл ее Андуз не очень хорошо понимал, поскольку пели они на латыни. Эту песнь написал на древнесирийском языке Захарий Схоластик, а Учитель перевел ее на латынь. Она напоминала христианские литании, сложенные в честь Пресвятой Богородицы.

Митра, властвующий над стихиями,

Мы тебя обожаем.

Митра, оплодотворяющий землю,

Мы тебя обожаем.

Митра...

Андуз сохранил молчание, поскольку был слишком потрясен и смущен. Он встречался с этими мужчинами и женщинами каждое воскресенье, он знал все об их прошлой жизни, и они ничего не скрывали от него. Вот толстый Каглер, Симона Аламин, вся усыпанная брильянтами, Боккара, тщательно скрывающий свое пристрастие к алкоголю... и те четверо, что сидят в машине, — Блезе, Ван ден Брук, Фильдар, Леа, — они тоже пели, несчастные... Они не

могли знать... И все остальные, которые в другие дни были, в общем-то, заурядными людьми. Как они изменились, до неузнаваемости!

Андуз уже давно мечтал превзойти самого себя! Конечно, он нервничал, ибо не сомневался, что после крещения с ним произойдет нечто неведомое. Однако если он так и не обретет жизненных сил, столь необходимых ему, чтобы исполнить свою миссию... Но нет! Учитель обещал... Ведь каждый, кто прошел обряд крещения, так или иначе преобразился... Даже Кастель, тем не менее оставшийся скептиком, хотя он и познал смысл предыдущей жизни!..

Андузу даже не хотелось знать, сколько жизней он прожил. Он предпочитал думать лишь о том, что ему предстоит совершить, а это казалось столь необычайным, столь трудным, что даже в момент свершения таинства он все же не мог избавиться от сомнений. Возможно, ему снится сон? Накануне совещательную залу преобразовали в храм. Длинная и узкая, она символизировала Вселенную. Вдоль стен справа и слева установили скамьи. Получилось нечто вроде амфитеатра, где правоверные могли преклонить колени. В глубине залы Учитель повесил икону с изображением Митры. Над иконой возвышались два заостренных рога, рядом с ними стояли две статуэтки. Одна из них представляла собой подростка, держащего поднятый факел, другая — подростка, сжимающего опущенный факел. Под иконой располагался камин. Поленья уже догорали. Левую стену украшал гороскоп, а на правой стене Учитель, который очень ловко орудовал

кисточкой, изобразил бога с львиной головой и Митру, возникающего из недр скалы. Помещение освещалось только свечами двух канделябров, расположенных по обе стороны входной двери, да отблесками огня в камине. Песнь закончилась, и Учитель помог Андрузу встать.

— Поль, — сказал он, — через мгновение ты станешь нашим спутником как в этой жизни, так и в грядущих, поскольку тебе предстоит, как и большинству присутствующих здесь, пройти через многие жизненные циклы, прежде чем ты обретишь вечный покой. Но я всегда буду рядом с тобой, ибо я — это уже ты, а ты — это уже я. Мы слились в единое целое. Ты постепенно прозреешь. Ты осознаешь, насколько преходящи и жизнь, и смерть. Мы вместе спустимся в подземелье, где сокрыт источник всех начал, а затем, преодолев семь ступенек, ты воскреснешь и устремишься к свету. На тебя прольется кровь Митры. Она укутает твои плечи, словно покровом вечности. Ты готов?

Андруз посмотрел на Учителя. Ему казалось, что он видит его впервые. Грубые черты лица Учителя излучали доброту, которая струилась, словно таинственный свет, сквозь одутловатые щеки. В его выпученных глазах таилась почти женская нежность, которая резко контрастировала с гладко выбритой головой, как у буддийских монахов.

— Ты готов? — повторил свой вопрос Учитель.

— Да. Я готов.

— Так вперед!

Ученики образовали два ряда; те, кто был одет в фиолетовые туники, шагали во главе колонны;

затем следовали синие туники, а вслед за ними голубые, зеленые, желтые, оранжевые и красные. Андуз шел впереди Учителя. Процессия вышла из храма, пересекла вестибюль и стала спускаться по лестнице, ведущей в подвал. Андуз знал, что на его долю выпало суровое испытание. Он замерз и поэтому прижимал руки к туловищу. Он уже раскаивался в содеянном и внезапно вздрогнул, когда его соратники запели песнь. Но присоединиться к хору у него просто не было сил. Он и так с трудом переставлял ноги.

Солнце прогонит тьму...
Истина озарит землю и сердца тех,
кто принесет себя в жертву,
дабы возродиться в тебе, Митра,
единственный, несравненный источник
всех источников,
центр всех центров,
по ту сторону потустороннего мира...

Эхо повторяло слова песни. Мерцающие электрические лампы, словно маяки, указывали дорогу небольшому кортежу, сопровождаемому огромными тенями, которые скользили по стенам и по потолку. Изредка проход расширялся, и тогда можно было заметить заброшенные стеллажи для бутылок, с которых свисала паутина. Будучи хранителем имущества общины, Андуз уже несколько раз приходил сюда. Однако теперь он растерялся. Он вдруг столь явственно почувствовал собственное ничтожество, что начал задыхаться, и наверняка остановился бы, если бы Учитель не толкал его в

спину. Да, он пробивался сквозь хаос видений. Этот подвал был не чем иным, как отражением бесконечно меняющегося лика иллюзорного мира. Он споткнулся о рельсы узкоколейки, когда-то служившей для перевозки ящиков шампанского, но Учитель подхватил его. К счастью, его бдительный покровитель всегда начеку. «Кем бы я был без него? — думал Андуз. — Обыкновенным бухгалтером, жалким человечком, тенью... Ах! Если бы и я смог стать его защитником! Но я ему докажу, что...»

Процессия остановилась. Впереди возвышалась глухая стена. Справа зиял лаз в подземелье. Андуз видел лишь его начало, но он знал, что скрывалось там в глубине, и сцепил пальцы, чтобы унять дрожь. Ученики молча расступились. Учитель приблизился к темному входу.

— Карл?

— Да, Учитель, — сказал голос.

— Можешь зажигать.

Красноватые блики заиграли на цементных стенах. Как-то странно зашелестела солома, словно ее топтали копытами, и сразу же послышалось хрипкое дыхание. Учитель обратился к Андузу.

— Пробил час, — прошептал он. — Будь спокоен в момент превращения в самого себя... Мы помолимся за тебя.

Он возложил руки на плечи Андуза и заключил его в объятия. Потом друг за другом к Андузу стали подходить ученики. Они прижимали свою голову к его голове сначала с одной стороны, потом с другой... От Симоны Аламин пахло дорогими духами, от Каглера — табаком. Леа была столь неж-

на, что ему захотелось взять ее на руки. Он остался один в кругу посвященных. У его ног ступеньки уходили под землю. Он начал медленно спускаться, опираясь о стену. Лестница круто поворачивала и вела в крохотную каморку. Через небольшие отверстия в потолке просачивался серый свет. Помещение настолько пропахло стойлом, что Андуз старался как можно дольше задержать дыхание. Пот катился с него градом, как в сауне. Гигантская, как ему показалось, тень заслонила свет. Мощные копыта сотрясали потолок прямо у него над головой. Он даже пригнулся и поднял руки, приготовившись защищаться. Бык Митры!

Стреноженное животное хрипло заревело, и Андузу показалось, что крик ужаса вырвался из его собственной груди. До него этому испытанию подвергались другие ученики. Кагель утверждал, что все не так уж страшно, если не давать воли воображению. Но Жанна Беллем потеряла сознание. Нужно только все время повторять себе, что каждый день на бойни отправляются десятки миллионов животных, что планета истекает кровью животных, принесенных в жертву, чтобы прокормить людей. Следует помнить, что некогда жрецы, чтобы предсказать будущее или умиловить богов, торжественно перерезали горло овцам, свиньям, священным коровам... А главное — нельзя ни на минуту забывать, что смерть не властна над нами, что в результате всеобщего переселения души обретают новые судьбы. И когда Андуз отправит на тот свет свою первую жертву, то он будет старательно думать именно о том, что смерть не властна над нами.

Но он настолько ослаб, что был уже не в состоянии даже опираться плечом о стену, шершавая поверхность которой расцарапала ему кожу. Он упал на колени, и в тот же самый момент раздался удар молота. Он понял тогда, что испытывает дерево под ударами топора, сотрясающего его до самых корней. В голове пронеслись бессвязные образы. Он был и срубленным дубом, и поверженным быком. Он слышал, как рушилась древесная масса, как падала плоть. Он открыл рот, чтобы кричать. Нечто огромное закрыло собой все дыры, проделанные в потолке, и на долю секунды он погрузился в могильную тьму... Где-то вдалеке он услышал шепот... ученики молились за него, чтобы помочь ему избавиться от дурных привычек, от жалких бранных остатков прежнего Андуса, от старого рубища. И вот упала первая капля, ударив его по лопатке. Она пробудила в нем те же самые чувства, что и первая капля надвигающейся грозы. Она была большая, теплая и густая, словно небесная слюна. Он стиснул зубы. Он догадывался, что капля — красная и что она пенится, и благословил темноту. Вторая капля упала на затылок и заскользила по шее — похожая на медленно стекающее растительное масло. И потом вдруг сотни, тысячи капель слились в единый поток. Тело стало липким. Он умирал от отвращения, но, несмотря на жару, отвратительный запах и слабость, держался.

Он попытался встать. Но жирные руки не могли найти точку опоры. Он поскользнулся и грузно повалился на левый бок. Он с трудом переводил дух, как раненый воин, истекающий кровью. Но

уже в нем пробуждалась какая-то необузданная радость. Так родник пробивает себе дорогу в скале. Сила! Он обретет силу! Именно эта пролившаяся кровь, подобно ручьям, звонко журчащим среди тишины подземных гrotов, и несла в себе силу! И сила поможет ему спасти Ашрам. Учитель прав. Тот, кто вскоре выйдет на свет божий, станет другим человеком. Да, внешне он останется Андузом, но его внутренний мир изменится. Теперь он достойный доверия атлет, который преодолет любые препятствия. Он станет верным камикадзе.

Он не осмелился вытереть потное лицо, боясь испачкаться, и осторожно оперся на одно колено. Он рассчитывал каждое движение, как если бы ему предстояло сражаться с обледеневшей землей. Луч света осветил ступеньки.

— Как ты там? — спросил Учитель.

— Все в порядке. Сейчас приду.

Ему предстоял долгий и изнурительный путь. Учитель поставил лампу на самую верхнюю ступеньку. Лучи света едва проникали в каморку. Ноги Андуза утопали в тягучей жиже. От нее шел легкий пар, как от болота перед восходом солнца. Он дошел до лестницы и только тогда увидел, что весь перемазался. Но он, страшный чистюля, по утрам неизменно принимавший душ, тщательно смывавший грязь, каждый день менявший белье, испытывал нечто вроде ироничного наслаждения, созерцая покрасневшие руки и расцарапанную грудь. Он подумал о распятом Христе, который на третий день воскрес и вознесся на небеса. «Я тоже, — сказал он себе, — возвращаюсь из Ада и, преодолевая семь